

В. Т. Ф О М И Н

О РОЛИ ШАХТА В ПОДГОТОВКЕ ГЕРМАНИЕЙ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В советской и прогрессивной зарубежной исторической литературе довольно широко освещена злобная роль, которую сыграл германский монополистический капитал в установлении в Германии фашистской диктатуры и в подготовке страны к агрессивной войне.

В числе видных представителей промышленно-финансовых кругов, толкавших Германию к войне, наряду с Круппом, Тиссенем, Клёкпером, Кирдорфом и другими должен быть назван и банкир Яльмар Шахт.

Раскрытие подлинной роли Шахта в вооружении Германии накануне второй мировой войны тем более необходимо, что в послевоенные годы сам Шахт в своих мемуарах¹, а также многие западногерманские и американские историки и публицисты² фальсифицируют роль Шахта, пытаются представить его чем-то вроде лидера «верхушечной оппозиции» против Гитлера. Таким путем реакционная буржуазная историография стремится вместе с оправданием Шахта реабилитировать и других представителей германского монополистического капитала, несущих ответственность за преступления против народов Европы, совершенные во время второй мировой войны, а ныне опять стоящих у власти в Западной Германии и готовящих новую агрессивную войну.

УЧАСТИЕ ШАХТА В ПОДГОТОВКЕ И УПРОЧЕНИИ ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Еще в начале XX в., будучи руководителем одного из крупнейших банков Германии — Дрезденского банка, Я. Шахт принимал активное участие в финансировании первой мировой войны. В 20-е годы, возглавляя правление рейхсбанка и используя свои тесные связи с финансовой олигархией Англии, Франции и США, Шахт сыграл большую роль в тайном перевооружении Германии и подготовке второй мировой войны. Выражая взгляды предпринимателей и банкиров, входивших в «Союз немецких промышленников», Шахт требовал возвращения Германии колоний³. В 1930 г. Шахт установил связь с Гитлером и обеспечил ему финансовую поддержку со стороны германских и иностранных монополистов. В октябре 1931 г. Шахт участвовал в известном совещании в Гарцбурге, на котором был заключен «союз» между Гитлером, с одной стороны, Гугенбергом и

¹ H. Schacht. Abrechnung mit Hitler. Hamburg — Stuttgart, 1948; его же. 76 Jahre meines Lebens. Bad Worishofen, 1953.

² См., например, A. W. Dalles. Germany's Underground. New York, 1947; H. B. Gisevius. Bis zum bitteren Ende. Zürich, 1946; E. N. Peterson. Hjalmar Schacht. For and Against Hitler. Boston, 1954; «Von Hassel Diaries 1938—1944». New York, 1947; W. Görnitz. Der deutsche Generalstab. Frankfurt a. M., 1950; E. Kordt. Wahn und Wirklichkeit. Stuttgart, 1947; G. Ritter. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1955; R. Pechel. Deutscher Widerstand. Zürich, 1947 и др.

³ Р. С э с ю л и. ИГ Фарбениндустри. М., 1948, стр. 88.

руководителем «Стального шлема» Зельдте — с другой. Он всячески способствовал приходу фашистов к власти. Как рассказывает бывший рейхсканцлер Папен, в 1932 г. к нему пришел Шахт и сказал: «Отдайте вашу должность Гитлеру, это единственный человек, который может спасти Германию»⁴.

Ныне Шахт пытается отрицать свою активную роль в установлении фашистской диктатуры. Например, он заявляет, что накануне и в период июльских выборов 1932 г. «не произнес ни единого слова, ни письменно, ни устно, в пользу национал-социалистической партии»⁵. Однако исторические факты и документы, часть которых была впервые опубликована недавно в печати ГДР, полностью разоблачают эту легенду. Так, 12 апреля 1932 г. Шахт направил письмо Гитлеру, в котором убеждал его, что западногерманские монополисты весьма симпатизируют фашистскому движению. Он обещал Гитлеру привлечь магнатов германской тяжелой индустрии к более активной поддержке нацистской партии и с этой целью предлагал создать и возглавить координационный комитет из представителей монополий. Другое письмо Шахта — к Гессу, от 17 октября 1932 г., свидетельствует о том, что Шахт выступал в качестве посредника между фашистской партией и американским банкиром Каном, директором известной фирмы Кун, Лёб и К^о⁶.

Шахт вместе с башкиром Шрёдером был инициатором письма к президенту Гинденбургу от 12 ноября 1932 г., подписанного также Крупном, Тиссенем, Рейнгардтом и другими промышленниками и банкирами. В нем содержалось предложение назначить Гитлера рейхсканцлером⁷. В это же время Шахт советовал Гитлеру не беспокоиться о состоянии германской экономики. «В этом вопросе, — писал ему Шахт, — вы всегда можете положиться на меня, как на заслуживающего доверия помощника».

Лидеры фашистской партии также признавали ту огромную роль, которую сыграл Шахт, помогая им прийти к власти. Геббельс 21 ноября 1932 г. записал в своем дневнике: «В беседе с доктором Шахтом я убедился, что он полностью отражает нашу точку зрения. Он — один из немногих, кто полностью согласен с позицией фюрера»⁸.

При встрече Гитлера с монополистами в Берлине в феврале 1933 г. именно Шахт организовал финансовую помощь фашистам, которая существенно помогла им на выборах в рейхстаг в марте 1933 г. Как показал на Нюрнбергском процессе один из участников этого совещания, член правления «ИГ Фарбениндустри» Шницлер, «Шахт внес предложение о создании фонда, если я не ошибаюсь, в 3 млн. рейхсмарок для проведения избирательной кампании». Шницлер заметил при этом, что Шахт держал себя на этом совещании, «как хозяин»⁹.

Сразу после установления в Германии фашистской диктатуры был проведен ряд мероприятий, имевших целью укрепление господства монополий и создание условий для военной мобилизации страны.

Уже 4 апреля 1933 г. был создан «Совет государственной обороны»¹⁰. В его задачу входило тайно сосредоточить все силы и средства государства для подготовки войны еще в условиях мирного времени. Председа-

⁴ E. N. Peterson. Hjalmar Schacht, p. 122.

⁵ H. Schacht. Abrechnung..., S. 3.

⁶ F. Klein. Neue Dokumente zur Rolle Schachts bei der Vorbereitung der Hitler-Diktatur. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» (далее — ZfG), 1957, Н. 4, S. 821—822.

⁷ Текст письма опубликован А. Шрайнером. См. A. Schreiner. Die Eingabe deutscher Finanzmagnaten, Monopolisten und Junker an Hindenburg für die Berufung Hitlers zum Reichskanzler (November 1932). — «ZfG», 1956, Н. 2, S. 366—369.

⁸ Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (далее — ЦГАОР). Материалы и документы Нюрнбергского процесса, ф. 7445, д. 1954, л. 111.

⁹ Там же, д. 1725, л. 143.

¹⁰ См. Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии. 1933—1945, т. I. М., 1956, стр. 126.

телем этого совета являлся Гитлер, членами совета были назначены — военный министр Бломберг, министр финансов Шверин-Крозиг, министр иностранных дел Нейрат, министр внутренних дел Фрик, министр пропаганды Геббельс.

В качестве совещательного и координирующего органа при совете обороны был создан постоянно действующий рабочий комитет, председателем которого стал начальник одного из управлений военного министерства полковник Кейтель. 22 мая 1933 г. на втором заседании комитета Кейтель заявил, что имперский совет обороны срочно приступает к подготовке мероприятий на случай войны¹¹.

17 марта 1933 г. Шахт был назначен президентом рейхсбанка. Под его руководством рейхсбанк сыграл большую роль в финансировании вооружения Германии. На заседании рабочего комитета имперского совета обороны 2 февраля 1934 г., где обсуждались мероприятия по финансированию военных расходов, было решено, что оно будет регулироваться имперским министерством финансов и рейхсбанком.

Рейхсбанк активно выполнял эту задачу, возложенную на него германским монополистическим капиталом и его агентурой — фашистской партией. В меморандуме правления рейхсбанка Гитлеру, подписанном Шахтом 7 января 1939 г., говорилось: «С самого начала рейхсбанк создавал, что успех в области внешней политики может быть достигнут лишь путем реконструкции германских вооруженных сил. Он (рейхсбанк) принял на себя в значительной степени ответственность за финансирование вооружения, несмотря на вытекавшие отсюда опасности для стабильности валюты»¹².

Итак, даже приведенные выше факты опровергают утверждения Шахта и его биографов о том, что он будто бы был противником Гитлера. Некоторые буржуазные авторы пытаются сравнить Шахта с Талейраном, который, подобно хамелеону, служил Людовику XVI, Французской буржуазной революции, Наполеону, а затем Бурбонам¹³. По их утверждению, Шахт возглавлял германскую экономику и одновременно «боролся» против Гитлера.

Шахт в своих мемуарах стремится изобразить всю свою деятельность, начиная с 20-х годов, как проникнутую «заботой о благосостоянии и трудящихся». Он пишет, что все его усилия были направлены только на достижение экономической стабилизации, на предотвращение инфляции, на обеспечение занятости рабочих¹⁴. Он пытается приписать исключительно себе заслугу освобождения Германии от уплаты репараций.

В целях реабилитации германских монополистов и банкиров, в том числе и самого себя, Шахт резко нападает на буржуазно-демократический строй Веймарской республики, заявляя, что демократия «сама принесла себе смертный приговор»¹⁵. Он утверждает, что всю ответственность за установление фашистской диктатуры в Германии несут не германские монополии, юнкерство и генералитет, а немецкий народ, — «те 14 с лишним млн. избирателей, которые 31 июля 1932 г. отдали свои голоса Гитлеру и сделали его канцлером, — и никто другой»¹⁶.

Чтобы умалить значение своего сотрудничества с гитлеровцами, Шахт пытается доказать, что 30 января 1933 г. в Германии будто бы еще не была установлена диктатура гитлеровцев. Он утверждает, вопреки известным фактам, что Гитлер только спустя длительное время начал создавать основы для тоталитарной власти фашистской партии. Подобное утверждение понадобилось Шахту для доказательства того, что он при-

¹¹ ЦГАОР, д. 4, л. 328.

¹² «Нюрнбергский процесс», т. II. М., 1955, стр. 290.

¹³ E. N. Peterson. Hjalmar Schacht. p. 11.

¹⁴ H. Schacht. Abrechnung..., S. 3.

¹⁵ Ibid., S. 8.

¹⁶ Ibid., S. 7.

нял пост президента рейхсбанка через 45 дней после прихода Гитлера к власти не от фашистского, а от «коалиционного» правительства Германии.

Шахт уверяет, что Гитлер предложил ему возглавить рейхсбанк исключительно с целью осуществления грандиозной программы ликвидации безработицы, чего не сделал прежний президент рейхсбанка — Лютер. «Эта задача, — пишет Шахт, — проникла в мое сердце и заняла в нем первое место»¹⁷. Он заявляет, что задачу предоставления работы 6,5 млн. безработных не могло решить никакое другое правительство, кроме правительства Гитлера. Поэтому он якобы и поддержал гитлеровскую программу вооружения Германии, строительства автострад и т. д. При этом Шахт пытается создать впечатление, будто «вооружение Германии не должно было служить целям войны»¹⁸, а было необходимо лишь для достижения «равенства» с другими странами на международной арене.

Только с 1 августа 1934 г., после смерти Гинденбурга, когда пост президента был объединен с должностью рейхсканцлера, началось, по мнению Шахта, нарушение конституции. Шахт пишет, что уже «в этот период он не был только посторонним наблюдателем, но делал все, чтобы направить развитие гитлеровского режима в спокойное русло»¹⁹. При этом он ссылается на то, что отказался ввести фюрерский принцип в рейхсбанке, не принял официального титула, не ввел фашистских служебных рангов и униформы для служащих рейхсбанка, не принимал подарков, не вступил в фашистскую партию, постоянно подчеркивал свою приверженность к церкви и т. п. Однако, разумеется, не эти внешние формы, а прежде всего суть мероприятий, осуществленных Шахтом или при его участии, характеризует его истинную роль.

РОЛЬ ШАХТА В МОБИЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И ФИНАНСОВ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ К ВОЙНЕ

В августе 1934 г. Шахт оставаясь президентом рейхсбанка, был назначен Гитлером имперским министром хозяйства. Свое согласие занять этот ответственный пост Шахт пытается задним числом оправдать тем, что он стремился якобы использовать свое положение для создания «центра сопротивления» политике Гитлера. «Я решил, — пишет Шахт, — собрать в этом министерстве хорошие элементы, организовать сопротивление террористическому режиму»²⁰.

В действительности Шахт, имевший обширные связи как среди германских монополистов, так и в международных «деловых кругах», был как раз тем человеком, в котором нуждались гитлеровцы для осуществления своих планов военной перестройки всей экономики страны.

Еще до назначения Шахта министром хозяйства фашистским правительством был проведен ряд мероприятий, усиливших привлечение виднейших промышленников и банкиров к руководству экономической жизнью страны. 14 июля 1933 г. был образован «Генеральный совет германского хозяйства», в который вошли крупнейшие монополисты Германии: Тиссен — глава Стального треста («Ферейнигте Штальверке»), А. Фёглер — директор-распорядитель этого треста, пушечный король Г. Крупп, К. Сименс — владелец крупнейшего электротехнического концерна, К. Бош — представитель «ИГ Фарбениндустри», А. Дин — генеральный директор калийного синдиката, банкир К. фон Шрёдер и другие.

15 июля 1933 г. был издан закон «О принудительном картелировании», согласно которому многие мелкие предприятия должны были при-

¹⁷ H. Schacht. 76 Jahre..., S. 381—383.

¹⁸ H. Schacht. Abrechnung..., S. 12.

¹⁹ Ibid., S. 13.

²⁰ H. Schacht. Abrechnung..., S. 13; его же. 76 Jahre..., S. 404.

соединиться к крупным монополистическим объединениям. 27 февраля 1934 г. был издан закон о так называемом «органическом построении германской экономики». Он был направлен на дальнейшее развитие в Германии государственно-монополистического капитализма. Усиливалась роль союзов предпринимателей, они наделялись большими правами.

Было создано 6 имперских хозяйственных групп (промышленности, ремесла, торговли, банков, страхования и энергетического хозяйства)²¹. Им были подчинены 44 хозяйственные отраслевые группы, 350 специальных групп и 640 подгрупп. Руководители хозяйственных отраслевых и специальных групп назначались министром хозяйства Шахтом²². Последний имел право изменять и дополнять уставы этих групп, составленные их руководителями.

Этим же законом создавались имперская хозяйственная палата и хозяйственные палаты провинций. Вся власть в области экономики сосредоточивалась в руках крупнейших монополистов, которые использовали ее в целях подготовки страны к войне.

Правительство фашистской Германии аннулировало долги банков и фирм государству. По предложению Шахта под видом так называемой реприватизации банкам были возвращены все активы, приобретенные государством во время экономического кризиса 1929—1932 гг., для спасения банков и фирм от краха²³.

Прибыли крупнейших монополий росли. Генеральный директор концерна Маннесмана, объединявшего сталелитейные заводы, железные рудники и угольные копи, Вильгельм Цанген был назначен Гитлером председателем имперского совета по вооружению и «фиерером» имперской группы «промышленность»²⁴. Этот концерн получал крупные и выгодные военные заказы. Огромные прибыли получал крупнейший концерн по производству стали «Ферейнигте Шталверке». Его прибыли только за четыре года фашистской диктатуры возросли более чем в два раза и составляли в 1937 г. 257,08 млн. марок²⁵. Зловещую роль в подготовке войны сыграл крупнейший химический концерн «ИГ Фарбениндустри», который производил вместе с дочерними предприятиями до 70% пороха, 100% каучука и т. д. Его руководители тесно сотрудничали с фашистскими властями и совместно разрабатывали программу вооружения. В сентябре 1935 г. в составе берлинского отдела «ИГ Фарбениндустри» был создан орган по связи с военным командованием, а также орган по контрразведке, сотрудничавший с государственной контрразведкой. Еще в 1934 г. концерн разработал подробные мобилизационные планы на случай войны, планы противовоздушной обороны. Эти планы были приняты в качестве основы для всей промышленности Германии. «ИГ Фарбениндустри» действовал в тесном контакте с генеральным уполномоченным по военной экономике — Шахтом. Член правления концерна К. Краух был назначен консультантом правительства по вопросам военного производства.

Широкие международные картельные связи «ИГ Фарбениндустри» и других монополий использовались гитлеровцами в интересах развития внешней торговли, политической пропаганды, военно-экономической разведки, а также для получения военной и технической информации²⁶. С 1935 г. все картельные соглашения согласовывались с экономическим

²¹ Ю. Кучинский. Очерки истории германского империализма, т. I. М., 1952, стр. 110—111.

²² «Reichsgesetzblatt», 1934, S. 185.

²³ А. Норден. Уроки германской истории. М., 1948, стр. 136; P. Wandel. Der deutsche Imperialismus und seine Kriege — das nationale Unglück Deutschlands. Berlin, 1955, S. 124—125.

²⁴ «Weltbühne», 1953, № 25, S. 79.

²⁵ W. Ulbricht. Der faschistische deutsche Imperialismus. Berlin, 1952, S. 81.

²⁶ Р. Сэюли. ИГ Фарбениндустри. М., 1948, стр. 112—135.

отделом генштаба, а все финансовые и торговые сделки германских фирм стали рассматриваться как часть военной программы.

Огромная программа перевооружения страны, разработанная германскими монополистами при руководящем участии Шахта, требовала больших финансовых средств. Фашистское правительство не располагало для этой цели необходимыми ресурсами. Изыскание средств для финансирования перевооружения было поручено Шахту, который был издавна тесно связан с германской и иностранной финансовой олигархией.

Ныне Шахт пытается отрицать свою решающую роль в финансировании подготовки войны. Однако Шахт не зря получил прозвище «финансового кудесника», его роль была действительно очень значительной²⁷.

В секретном меморандуме Гитлеру от 3 мая 1935 г. о финансировании программы вооружения Шахт писал, что быстрое осуществление программы вооружения «является основной проблемой немецкой политики и поэтому все остальное должно быть подчинено только этой цели»²⁸. Шахт отмечал в нем, что уже с 1933 г. в целях маскировки финансирования вооружения производился усиленный выпуск бумажных денег, в результате чего в портфеле рейхсбанка для этой цели было собрано 4641 млн. марок денежными знаками. Рейхсбанк направил на нужды вооружения также и находившиеся в его распоряжении вклады иностранцев. «Таким образом, вооружение частично финансируется за счет вкладов наших политических противников»²⁹.

Из обычных бюджетных ассигнований на вооружение было израсходовано в 1933/34 г. — 750 млн. марок. в 1934/35 г. — 1100 млн., а на 1935/36 г. было запланировано израсходовать еще 2500 млн. марок. В результате этих расходов дефицит государственного бюджета достиг 5—6 млрд. марок. «Государство и партия, — говорилось в меморандуме, — уже приняли меры к изысканию больших денежных сумм... Все эти суммы покрываются не бюджетными ассигнованиями, а за счет вкладов и кредитов, которые должны поступить от промышленности сверх обычных налогов»³⁰.

Шахт предлагал привлечь специальных экспертов, чтобы они изыскали средства и изучили вопрос об использовании капиталовложений общественных и партийных организаций для целей вооружения. «Министерство финансов, — говорилось далее в меморандуме, — должно будет получить полномочие рассмотреть возможности увеличения дохода путем введения новых или увеличения существующих налогов»³¹.

Чтобы сосредоточить все средства для финансирования программы вооружения, Шахт предложил: «все несущественные расходы, предназначенные для других целей, не должны производиться, и вся финансовая мощь Германии, хотя она и ограничена, должна быть направлена исключительно на финансирование вооружений»³². Таким образом, Шахт требовал установления диктатуры рейхсбанка по контролю за расходованием всех финансовых ресурсов в целях мобилизации их для перевооружения страны. В речи от 29 ноября 1938 г. Шахт говорил: «Может быть, в мирное время ни один эмиссионный банк не проводил такой смелой кредитной политики, как рейхсбанк после захвата власти национал-социалистами. При помощи этой кредитной политики Германия создала непрев-

²⁷ В свое время Шахт приложил немало усилий, чтобы прослыть «кудесником». Так, он не раз говорил о «финансовом чуде», им совершенном. — H. Schacht. «Finanzwunder» und «Neuer Plan». Vortrag des Reichsbankpräsidenten vor dem Wirtschaftsrat der Deutschen Akademie. Berlin, 1938.

²⁸ Этот меморандум не был подписан, но на Нюрнбергском процессе Шахт признал свое авторство. — ЦГАОР, д. 7, л. 20.

²⁹ Там же, л. 21.

³⁰ Там же, л. 22—23.

³¹ Там же, л. 24.

³² Там же, л. 458.

зойденную военную машину, а эта военная машина в свою очередь сделала возможным достижение цели нашей политики»³³.

Осенью 1934 г. Шахт выдвинул свой так называемый «новый план», главная цель которого заключалась в мобилизации всех средств страны для приобретения за границей стратегического сырья и иностранной валюты для перевооружения страны.

Основные принципы «нового плана» были изложены Шахтом в его речи в Лейпциге 26 августа 1934 г. на пресс-конференции при открытии осенней ярмарки. Здесь Шахт заявил, что в ближайшее время будут приняты новые радикальные меры для сбалансирования импорта с экспортом посредством введения специальных лицензий, регулирующих импорт наиболее важных товаров. Шахт указал и на то, что будет всячески форсировано производство отечественного сырья. Он отметил, что не нужно обращать внимания на его высокую стоимость, так как оно будет производиться силами безработных, которым все равно приходится платить пособие³⁴.

«Новый план» вступил в силу 27 сентября 1934 г. Весь германский импорт отныне должен был быть подчинен задачам подготовки войны.

Было создано 25 правительственных контрольных управлений по импорту различных видов сырья. Для облегчения ввоза стратегического сырья была изменена тарифная политика. Получение сырья предприятиями, не связанными с военным производством, было ограничено.

В дополнение к «новому плану» в феврале 1935 г. был принят закон о девизах, на основе которого все операции с иностранной валютой подлежали специальному утверждению. С введением «нового плана» и закона о девизах германская внешняя торговля была целиком поставлена на службу войне.

Шахт стремился установить тесное сотрудничество рейхсбанка с английским государственным банком, а также с Уолл-стритом. Еще 1 февраля 1933 г. Шахт убеждал поверенного в делах США в Берлине, что фашистский режим не представляет опасности для американских капиталовложений в Германии³⁵. Вскоре после своего назначения на пост президента рейхсбанка, что было воспринято международными монополиями весьма положительно, Шахт в мае 1933 г. выехал в США для закрепления и расширения контактов между фашистскими лидерами Германии и правящими кругами Америки. В качестве эмиссара Гитлера и германских монополистов Шахт имел встречу с президентом Рузвельтом, членами американского правительства и заправилыми Уолл-стрита. Шахт заверял своих собеседников, что «нет более демократического правительства в мире, чем правительство Гитлера», что фашистский режим «является лучшей формой демократии»³⁶, и добивался предоставления Германии новых американских займов.

Шахт способствовал также расширению связей гитлеровцев с монополистическими кругами других стран. В июне 1933 г., будучи членом германской делегации на международной экономической конференции в Лондоне, он вместе с идеологом фашистской партии Розенбергом принял участие в разработке так называемого «меморандума Гугенберга», при помощи которого гитлеровцы пытались запугать западные державы «опасностью большевизма» и выторговать для себя возможность перевооружаться³⁷. Здесь же в Лондоне Шахт встретился с крупным финансовым дельцом директором Английского банка Монтегю Норманом; во время этого свидания была достигнута договоренность о предоставлении Ан-

³³ ЦГАОР, д. 1954, л. 6.

³⁴ «Berliner Tageblatt», 27.VIII.1934.

³⁵ «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1933», vol. II. Washington, 1949, p. 186.

³⁶ «New York Evening Post», 5.V.1933.

³⁷ «The Evening Standard», 6.VII.1933.

глийским банком займа Германии³⁸. Таким образом, деятельность Шахта способствовала вложению иностранных (прежде всего американских и английских) капиталов в военную экономику Германии³⁹.

В целях мобилизации средств на вооружение гитлеровцы стремились увеличить экспорт своих товаров в другие страны. В 1933 г. по инициативе Шахта был создан специальный фонд для финансирования германского экспорта. В связи с тем, что на мировых рынках, в особенности в Латинской Америке и на Балканах, германские товары наталкивались на сильную конкуренцию английских, французских и американских товаров, Германия для завоевания этих рынков продавала свои товары по более низким ценам. Была введена система экспортных премий, которые выплачивались государством промышленникам для покрытия их убытков от такого экспорта.

Важное место в «новом плане» Шахта отводилось Балканам. Германские правящие круги понимали, что в случае возникновения войны с западными державами Германия не сможет рассчитывать на получение стратегического сырья с заморских рынков. Поэтому, готовя новую мировую войну, гитлеровцы не только создавали большие резервы стратегического сырья, но и стремились создать условия для захвата его источников на континенте Европы, особенно на Балканах.

В конце 1934 г., к моменту назначения Шахта министром хозяйства, задолженность Германии странам Центральной и Юго-Восточной Европы по клирингу равнялась 450 млн. марок. В марте 1935 г. долг Германии вырос до 567 млн. марок, но Германия продолжала увеличивать свой импорт. Она стимулировала производство на Балканах текстильных и масличных культур, поставляя в эти страны промышленные товары⁴⁰.

В 1936 г. Шахт совершил специальную поездку на Балканы. Он посетил Белград, Софию, Афины, Будапешт, где вел переговоры об усилении экономических связей этих стран с Германией. В частности, в Белграде он вел переговоры с членами правительства об увеличении производства сельскохозяйственных продуктов, а югославская сельскохозяйственная делегация в то же время посетила Германию.

Выступая в Берлине 29 ноября 1938 г., Шахт говорил: «Несколькими данными можно доказать успех «нового плана». В период с 1934 по 1937 г. количественный импорт продуктов производства был сокращен на 63%. С другой стороны, импорт руды увеличился на 132%, нефти — на 116, зерна — на 102 и резины — на 71%»⁴¹.

К концу 1934 г. денежных сумм, полученных путем налогов и государственных займов, было уже недостаточно для финансирования грандиозной программы вооружения. Тогда Шахт в целях получения, главным образом

³⁸ См. Л. В. Поздеева. Англия и ремилитаризация Германии. 1933—1936. М., 1956, стр. 65; «Daily News», 6.V.1933.

³⁹ На Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками представители США, Англии и Франции, как известно, отказались привлечь к ответственности многих руководителей германских концернов. Таким образом, они стремились скрыть роль американских и английских монополий в вооружении Германии. Яльмар Шахт в целях собственной реабилитации угрожал представителям США, что он может привести факты о роли американских монополий в вооружении фашистской агрессии. В 1946 г. капитан американской службы Джильберт посетил Шахта в Нюрнбергской тюрьме и позже опубликовал свою беседу с ним в английской газете «Sunday Express». «Шахт рассмеялся,— писал он,— услышав, что германским промышленникам будет предъявлено обвинение в вооружении Германии. «Если вы хотите предать суду промышленников, способствовавших вооружению Германии,— сказал он,— то вы должны судить своих собственных промышленников. Ведь заводы «Опель», принадлежащие «Дженерал моторз», работали только на войну».— «Sunday Express», 19.X.1946. Этим, в частности, объясняется тот факт, что Шахт и другие банкиры и монополисты не были привлечены к ответственности, а вскоре были реабилитированы американско-английскими судами по «денацификации» и ныне вновь воссоздают военную промышленность в Западной Германии.

⁴⁰ E. N. Petersen. Hjalmar Schacht, p. 234.

⁴¹ ЦГАОР, д. 1954, л. 120.

из карманов населения, денег на вооружение организовал фиктивное общество «Metall Forschungs A. G.» (сокращенно «Mefo») с номинальным капиталом в 1 млн. марок. Членами этого общества были крупнейшие военно-промышленные фирмы Круппа, Сименса и др.⁴² Это общество выписывало фирмам, размещавшим заказы на вооружение от имени этого фиктивного общества, так называемые «мефо-векселя». Векселя гарантировались государством и по указанию Шахта принимались к оплате рейхсбанком и другими германскими банками.

Преимущество системы «мефо-векселей» заключалось не только в том, что она позволила мобилизовать на вооружение огромную сумму денег, но также и в том, что эта система позволила сохранять в тайне темпы вооружения Германии, так как «мефо-векселя» никогда не упоминались ни в публиковавшихся отчетах рейхсбанка, ни в цифрах бюджета.

Шахт утверждал впоследствии, что система «мефо-векселей» дала якобы возможность «мобилизовать экономику Германии для расширения занятости населения». В действительности же система «мефо-векселей» была целиком использована с целью мобилизации огромных денежных средств для дальнейшего вооружения. В 1934—1936 гг. с ее помощью было осуществлено финансирование 50% всех военных заказов, а к 1 апреля 1938 г. израсходованная таким образом сумма достигла 12 млрд. марок, что составило около 20% всех затрат на вооружение, произведенных до начала второй мировой войны⁴³.

Министр финансов фон Крозиг в письме Гитлеру от 1 сентября 1938 г. указывал, что счета «мефо» были использованы исключительно для финансирования вооружения⁴⁴.

В 1935 г. были изданы основные законодательные акты и созданы важнейшие учреждения, ведавшие непосредственно подготовкой к войне. Среди этих законов одним из важнейших являлся «Закон об обороне империи», изданный 21 мая 1935 г. (Reichsverteidigungsgesetz)⁴⁵. Закон предоставил Гитлеру право провозглашать состояние войны. Этим законом, в целях координации усилий для подготовки экономики к войне, учреждалась специальная должность генерального уполномоченного по вопросам военной экономики. На этот пост Гитлер 31 мая 1935 г. назначил министра хозяйства и президента рейхсбанка Яльмара Шахта. В вопросах мобилизации военно-экономических ресурсов ему были подчинены министерство продовольствия и сельского хозяйства, министерство труда, имперское лесничество, а в вопросах финансирования военных мероприятий также министерство финансов.

На основании этого закона в руках генерального уполномоченного по военной экономике — Шахта были сконцентрированы все рычаги по подготовке экономики Германии к войне. Он имел, например, право издавать в своей области распоряжения, имевшие силу закона.

При генеральном уполномоченном был создан в качестве его рабочего аппарата так называемый «руководящий штаб». «Референты связи», т. е. представители различных ведомств, выделенные для координации мобилизационных мероприятий всех учреждений Германии, входившие в этот штаб, разрабатывали специальные планы для той области хозяйства, которую они представляли. При посредстве «руководящего штаба» генеральный уполномоченный осуществлял координацию деятельности также и военно-экономических учреждений, непосредственно подчиненных военному министру. Насколько серьезное значение придавали гитлеровцы этому учреждению, свидетельствует тот факт, что с декабря 1935 г. «руководящий» штаб был официально представлен в имперском совете обороны.

⁴² H. Schacht. 76 Jahre..., S. 400.

⁴³ E. N. Peterson. Hjalmar Schacht, p. 174.

⁴⁴ ЦГАОР, д. 1954, л. 115.

⁴⁵ Секретный «Закон об обороне империи» от 21 мая 1935 г. оставался в силе до 4 сентября 1938 г., когда он был заменен другим законом.

Особая роль в подготовке экономики к войне принадлежала также министерству хозяйства, возглавляемому Шахтом. Уже в 1933 г. статистическое ведомство, подчиненное министерству, произвело точный учет наиболее важных в военном отношении предприятий. Было обследовано 180 тыс. промышленных предприятий с целью установления их пригодности для военных целей. На крупных предприятиях создавались статистические отделы по учету и выявлению их военных возможностей. Были разработаны экономические планы производства 200 видов военных материалов, пересмотрена система военных заказов, установлен порядок распределения угля, горючего для моторов и электроэнергии. Только на строительство складских помещений было израсходовано 243 млн. марок.

При статистическом ведомстве был создан специальный отдел, в задачу которого входил учет важных в военном отношении предприятий, запасов предметов потребления, сырья и полуфабрикатов. Он должен был учитывать не только производство, но также и резервы, составлять специальные учетные карточки по предприятиям, районам, округам. Такие статистические ведомства были созданы в 1934 г. при правительстве Пруссии, а затем и при правительствах других земель.

В целях дальнейшего улучшения проведения мобилизационных мероприятий министерство хозяйства с помощью концерна «ИГ Фарбениндустри» создало в 1934 г. «Бюро по исследованию военной экономики» («Wehrwirtschafts-Forschungsorganisation» — «Wefo»), которое должно было руководить изысканиями залежей нефти, сырья для производства взрывчатки, редких металлов и других важных в военном отношении материалов.

Министерство хозяйства уже в этот период играло важную роль в подготовке других центральных учреждений к войне. Так, например, в целях мобилизации финансов министерство хозяйства издало специальное предписание об изменении правил, регулирующих деятельность банков и кредитных касс. Кредитным кассам было предложено провести подготовительные работы для непосредственного финансирования военных мероприятий.

Для подготовки к войне сельского хозяйства так называемому «Бюро по исследованию продовольственного снабжения» было поручено составить «военно-продовольственный план»⁴⁶. На местах создавались учреждения по мобилизации продовольственных ресурсов. Министерство продовольствия назначило особых референтов при руководителях сельскохозяйственных отделов в землях и провинциях. Были разработаны мероприятия, предусматривавшие немедленное введение в случае начала войны регулирования снабжения населения продовольствием, обувью, текстилем, углем, мылом и т. п. Было напечатано и разослано на места 80 млн. продовольственных карточек военного времени.

Об этих разработанных при личном участии и под руководством Шахта мероприятиях, в результате которых германская экономика была перестроена для агрессивной войны, Шахт в своих мемуарах ничего не пишет. Но именно они полностью изобличают Шахта как одного из главных организаторов подготовки второй мировой войны.

Готовясь к войне и переводя экономику на военные рельсы, правительство фашистской Германии создавало военно-каторжный режим для рабочих. Разгромив прогрессивные рабочие организации, и в первую очередь партию коммунистов, наиболее последовательно защищавшую интересы рабочего класса, гитлеровцы вместо распущенных профсоюзов, чьи средства были использованы для целей вооружения, создали организацию «Трудовой фронт», который стал одним из орудий монополистов по угнетению рабочего класса и усилению их эксплуатации.

⁴⁶ Г. Рике. Продовольственная проблема и сельское хозяйство во время войны.— Сб. «Итоги второй мировой войны». М., 1957, стр. 443—468.

Укреплению господства предпринимателей над рабочими служил специальный закон об «упорядочении национального труда», вступивший в силу 30 января 1934 г. Закон устанавливал, что предприниматель является вождем (фюрером) предприятия, а служащие и рабочие — его «свитой». Только предприниматель мог решать все производственные вопросы ⁴⁷.

Новый закон ликвидировал на предприятиях фабзавкомы, вместо них создавались так называемые «советы доверия». Кандидатов в эти «советы» выдвигал предприниматель вместе с представителем организации фашистской партии. Рабочие могли только голосовать за этот список.

Закон об «упорядочении национального труда» фактически ликвидировал рабочее законодательство и права, завоеванные рабочими в долголетней борьбе. Отменялись тарифные договоры, а также прежние законы о продолжительности рабочего дня, об охране труда, о правилах внутреннего распорядка на предприятиях. Предприниматель получал право единолично устанавливать продолжительность рабочего дня, размеры зарплаты, правила внутреннего распорядка, размеры и порядок штрафов и т. д.

Министерство хозяйства, руководимое Шахтом, совместно с генеральным уполномоченным по труду Р. Леем составило план потребности в рабочей силе в период подготовки к войне и в период войны. «Закон об обороне империи» предусматривал мобилизацию для работы в военной промышленности лиц в возрасте до 65 лет, удлинение рабочего дня без увеличения заработной платы, мероприятия по ограничению действия законодательства по охране труда. Министр труда мог изменять и вовсе отменять законодательство о труде. 26 февраля 1935 г. был принят закон о введении трудовых книжек. Он не только закреплял рабочих за предприятиями и отдавал их в полное подчинение капиталистам, но создавал также условия для мобилизации рабочей силы в случае войны. 16 марта 1935 г. Гитлер объявил о восстановлении всеобщей воинской повинности. 26 июня того же года был объявлен закон о трудовой повинности. Таким образом, каждый молодой немец должен был отработать один год по трудовой повинности и два года отслужить в армии. При выдаче трудовых книжек чиновники ведомства труда определяли, подлежит ли рабочий призыву на военную службу в случае войны или он должен быть оставлен для работы на предприятии. Была составлена картотека на 20 млн. квалифицированных рабочих с указанием профессии и возможности их использования в военное время.

В фашистской литературе, а также в ряде работ, изданных в последнее время в Западной Германии, восхваляются заслуги Гитлера и Шахта в ликвидации безработицы в Германии. Однако в справочнике «Факты и цифры о Германии» за 1941 г. было сказано: «Быстрая ликвидация безработицы объяснялась тем, что, начиная с 1935 г., германское хозяйство все больше перестраивалось на выпуск военной продукции» ⁴⁸. И действительно, если в Германии в 1932 г. имелось 6 млн. безработных, то, в результате развязанной гитлеровцами второй мировой войны, в 1945 г. насчитывалось более 6 млн. немцев, погибших только на фронтах. Так выглядит кровавый баланс политики германских милитаристов.

«ЧЕТЫРЕХЛЕТНИЙ ПЛАН» ПОДГОТОВКИ ГЕРМАНИИ К ВОЙНЕ И ОТСТАВКА ШАХТА

Несмотря на успехи, достигнутые в деле перевооружения Германии под руководством Шахта, в новых условиях, после введения всеобщей воинской повинности в Германии и ремилитаризации Рейнской зоны, «новый план» Шахта оказался недостаточным. Германия не могла больше

⁴⁷ «Reichsgesetzblatt», 1934, S. 45.

⁴⁸ P. W a n d e l. Der deutsche Imperialismus..., S. 126.

увеличивать свой экспорт для оплаты импорта стратегического сырья, так как германская промышленность была переключена на производство вооружения.

В начале 1936 г. была предпринята попытка несколько уменьшить задолженность Германии другим странам посредством увеличения экспорта оружия за границу, что одновременно должно было способствовать дальнейшему развитию военного производства в самой Германии. 31 января 1936 г. адмирал Редер направил руководителям германской промышленности указание «о необходимости увеличения военного производства», в котором говорилось, что, помимо удовлетворения внутренних потребностей Германии, военное производство могло бы быть увеличено путем усиления поставок оружия иностранным государствам⁴⁹. Далее он писал, что германская промышленность по производству военно-морского вооружения должна соперничать на внешних рынках с промышленностью Великобритании, Франции, США, Японии и особенно Италии⁵⁰.

Но и этого было, по мнению руководителей гитлеровской Германии, недостаточно. Они требовали более ускоренных темпов перевооружения, чем намечалось раньше. 31 августа 1936 г. военный министр Бломберг в письме Шахту сообщал: «Согласно приказу фюрера, создание всех авиационных частей должно быть завершено к 1 апреля 1937 г. Поэтому в 1936 г. должны быть сделаны значительные затраты, которые при составлении бюджета 1936 г. намечены лишь на последующие годы»⁵¹.

Но финансы Германии были истощены до крайности. Она имела большую задолженность по клирингу. Выступая 27 мая 1937 г., Шахт вынужден был признать: «За последние годы возможности продажи наших готовых изделий за границей и получения таким путем средств для приобретения необходимого нам сырья все более и более урезывались»⁵².

В 1936 г. ближайшим окружением Гитлера был составлен секретный меморандум о четырехлетнем плане развития германской экономики. Ныне Шахт утверждает, что содержание этого меморандума ему не было известно. По его словам, 3 экземпляра меморандума были вручены Герингу, Бломбергу и Шпейеру. Шахт же узнал об этом меморандуме якобы только через 10 лет после его составления — в 1946 году — на Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками⁵³. Шахт пишет, что «этот секретный меморандум свидетельствовал не только о полном отказе от моей экономической политики, но также о нескрываемой враждебности ко мне лично»⁵⁴.

Что же в этом меморандуме дает повод Шахту говорить о том, что Гитлер выступил против его экономической политики и против него лично?

Основные положения меморандума были вскоре изложены Гитлером в докладе о четырехлетнем плане на Нюрнбергском съезде фашистской партии. Он говорил, что только Германия и Италия способны нанести поражение Советскому Союзу, что фашистская Германия является основной силой в борьбе против большевизма, и требовал, чтобы все другие интересы были подчинены задаче подготовки Германии к войне за мировое господство⁵⁵. Выдвинув демагогический лозунг завоевания Германией «жизненного пространства», Гитлер говорил о необходимости расширения сырьевой и продовольственной базы, увеличения импорта, мобилизации германской экономики, не останавливаясь перед «решительными и безжалостными методами». Он предлагал увеличить производство топлива, горю-

⁴⁹ ЦГАОР, д. 7, л. 50.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ ЦГАОР, д. 1954, л. 137.

⁵² «Berliner Börsenzeitung», 28.V.1937.

⁵³ Этому противоречит заявление самого Шахта, что Гитлер в это время советовал с ним о планах вооружения Германии.— H. Schacht. 76 Jahre..., S. 464.

⁵⁴ H. Schacht. Abrechnung..., S. 18.

⁵⁵ ЦГАОР, д. 1954, л. 159.

чего, синтетической резины, смазочных масел, железной руды, добиться самообеспечения Германии во всех областях, сделать ее «экономически независимой» от заграницы и способной в случае войны выдержать блокаду.

Для осуществления этой цели Гитлер требовал жертв от германского народа: сокращения потребления промышленных товаров и продовольствия. Он предложил утвердить законы о смертной казни за саботаж в промышленности и об ответственности евреев за перерывы в работе промышленности. Суммируя основные задачи плана, Гитлер заявил: «1) германская армия должна быть приведена в полную боевую готовность в течение четырех лет, 2) германская экономика в течение четырех лет должна быть мобилизована для работы на войну»⁵⁶.

Эти мероприятия Гитлера, которые являлись по существу продолжением «нового плана», Шахт пытается изобразить ныне как направленные против его политики. По его мнению, программа экономической автаркии, на основе которой строился четырехлетний план, была принята со всеми «дилетантскими глупостями Геринга».

Однако разногласия между Шахтом, с одной стороны, Гитлером и Герингом — с другой, не носили принципиального характера, а касались лишь методов осуществления вооружения Германии. В то время как Шахт основную ставку делал на внешнюю торговлю как источник финансирования вооружений и обеспечения страны стратегическим сырьем, на предложение политики получения займов у англо-американских финансов, вызывающая политика Гитлера и Геринга, их крики об «автаркии», о немедленном переводе экономики страны на военные рельсы затрудняли осуществление этой политики Шахта и стоявшей за ним группировки монополистов — сторонников англо-франко-американской ориентации. Эти круги опасались также, что такая гитлеровская политика может привести к нежелательному для них конфликту с западными державами.

Уже 3 сентября 1936 г. Шахт имел беседу с начальником военно-экономического отдела военного министерства полковником Томасом. Шахт просил Томаса передать военному министру Бломбергу, чтобы тот попытался убедить Гитлера не делать публичного заявления о намерении Германии сделать новый шаг на пути автаркии. Эта просьба Шахта проистекала из чисто тактических соображений. Он говорил Томасу: «Если мы будем кричать о том, что хотим быть независимыми в экономическом отношении, мы этим сами перережем себе горло, потому что не сможем пережить переходный период»⁵⁷.

Однако через два месяца, на Нюрнбергском съезде фашистской партии, Гитлер объявил о введении четырехлетнего плана, а Геринг был назначен чрезвычайным уполномоченным по его осуществлению. Это не было неожиданностью. Еще за полгода до съезда Герингу под видом необходимости координации деятельности государственных и партийных организаций были предоставлены чрезвычайные полномочия в вопросах регулирования потребления сырья и распределения иностранной валюты⁵⁸. Тем самым права Шахта были несколько ограничены.

Непосредственное вмешательство Геринга в руководство военной экономикой было воспринято Шахтом неприязненно. Шахт считал Геринга профаном в экономических вопросах и стремился сохранить свои позиции. В конце 1936 — начале 1937 г. между Шахтом и Герингом происходила письменная и устная полемика о прерогативах власти. Когда, например, Геринг в ноябре 1936 г. издал директиву о производстве сырья из синтетических материалов, а его управление по сырью установило контроль над хозяйственными сферами, ранее подчиненными Шахту, последний в

⁵⁶ ЦГАОР, д. 1954, л. 169.

⁵⁷ Там же, л. 140.

⁵⁸ «Völkischer Beobachter», 28.IV.1936.

декабре отдал приказ своим учреждениям принимать инструкции только от него самого.

Следует отметить, что в этой полемике между Шахтом и Герингом большинство германских генералов было на стороне Шахта. Его поддерживали начальник военно-экономического отдела военного министерства Томас, военный министр Бломберг и другие генералы. В меморандуме военно-экономического отдела от 19 декабря 1936 г., направленном Гитлеру, высказывалось недовольство подчинением генерального уполномоченного по вопросам военной экономики (т. е. Шахта) «министру-президенту генерал-полковнику Герингу»⁵⁹.

22 февраля 1937 г. военный министр фон Бломберг писал Гитлеру: «Президент доктор Шахт сообщил мне, что в настоящее время он не действует в качестве уполномоченного, так как, по его мнению, существуют противоречия между полномочиями, предоставленными ему и генерал-полковнику Герингу»⁶⁰.

В августе и ноябре 1937 г. Шахт обменялся с Герингом письмами, которые свидетельствуют, что разногласия между ними достигли значительной остроты. В ответ на заявление Геринга: «Но я должен иметь право давать Вам приказания», Шахт заявил: «Нет, не мне, а моему преемнику»⁶¹.

Попытки, предпринятые Томасом и Бломбергом, примирить Шахта и Геринга, разграничить сферы их деятельности не принесли успеха. Однако, несмотря на разногласия — и это самое существенное, — Шахт продолжал принимать активное участие в подготовке германской экономики к войне. Так, в мае — июне 1937 г. он, вместе с представителями армии, военно-морского флота и военно-воздушных сил, принял участие в организованной генеральным штабом «военной игре по военной экономике» в Годесберге, которая имела целью выяснить степень подготовленности германской экономики к агрессивной войне⁶². В это же время Шахт, который формально не состоял в нацистской партии, был награжден золотым партийным значком, наградой, которой были «удостоены» только самые преданные сторонники фашистского режима.

26 ноября 1937 г. Шахт ушел с постов министра хозяйства и генерального уполномоченного по вопросам военной экономики⁶³. Однако в его руках оставались все еще сильные позиции в руководстве германской экономикой. Он не только продолжал быть президентом рейхсбанка, но и принял пост министра без портфеля в кабинете Гитлера.

В своих мемуарах Шахт пишет: «Недовольство ведением германского хозяйства все больше приводило меня в непримиримое столкновение с Герингом, который свое стремление к власти прикрывал именем Гитлера и партии»⁶⁴. Шахт утверждает, что и Гитлер якобы видел в нем, Шахте, препятствие в проведении своей авантюристической политики.

Изображая себя противником вооружения Германии, Шахт утверждает, что если бы он продолжал руководить экономикой Германии, то Германия не была бы готова к войне и война могла бы не начаться. Он даже уверяет, будто саботировал финансирование вооружения за счет рейхсбанка.

Факты свидетельствуют о другом. Финансовая и экономическая деятельность самого Шахта была не менее авантюристичной, чем политика Гитлера, да и нельзя отделить их друг от друга.

Захват финансов Австрии в 1938 г. (около 400 млн. шиллингов золотом) лишь ненадолго облегчил трудности Германии. Выпущенный в 1938 г. 4-й имперский заем не дал удовлетворительных результатов. Заем

⁵⁹ ЦГАОР, д. 1954, л. 142.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, л. 145.

⁶² ЦГАОР, д. 4, л. 342.

⁶³ H. Schacht. 76 Jahre..., S. 473.

⁶⁴ H. Schacht. Abrechnung..., S. 18.

был вынужден тогда, когда еще предыдущий заем не был полностью реализован и залежался в банках⁶⁵.

В конце 1938 г. в рейхсбанке не было больше денег, которые можно было бы использовать для финансирования вооружения. Кассовый дефицит достиг 1 млрд. марок. Угроза инфляции надвигалась на Германию. Правительство должно было погасить срочно на 3 млрд. марок «мефовекселей».

Министр финансов фон Крозиг с тревогой сообщал Гитлеру о росте государственных долгов. «К 31 декабря 1932 г. консолидированный текущий государственный долг,— писал он,— 10,4 млрд. рейхсмарок, текущий долг — 2,1 млрд. рейхсмарок... К 30 июня 1938 г. консолидированный текущий государственный долг — 19 млрд. рейхсмарок; текущий долг — 3,5 млрд. рейхсмарок; долг, не подписанный государством (т. е. посредству торговли и счетов «мефо»), — 13,3 млрд. рейхсмарок. Всего к 31 декабря 1932 г.— 12,5 млрд. рейхсмарок, а к 30 июня 1938 г.— 35,8 млрд. рейхсмарок»⁶⁶.

Тем не менее в 1938 г. был принят ряд мер для увеличения финансирования вооружения. С этой целью было отпущено 5 млрд. марок из бюджета, т. е. за счет налогов; 4 млрд. марок за счет займов; 2 млрд. марок за счет шестимесячных банкнотов казначейства, т. е. отсрочки платежей до 1939 г. Всего же было израсходовано 11 млрд. марок⁶⁷.

Одной из мер, принятых правительством для изыскания новых средств на вооружение и предотвращение надвигавшейся инфляции, было ограбление еврейского населения. На основании позорных нюрнбергских декретов евреи стогнялись в гетто и подвергались физическому истреблению. Теперь гитлеровцы, использовав покушение в Париже на советника германской миссии фон Рата, решили полностью изгнать евреев из экономической жизни. Один из главарей гестапо Гейдрих послал всем отделам гестапо и службы безопасности телеграфное распоряжение провести 9 и 10 ноября 1938 г. «стихийные» антиеврейские выступления. На евреев был наложен колоссальный штраф в 1 млрд. марок. Геринг аннулировал их иски к страховым компаниям о возмещении убытков, причиненных во время погромов⁶⁸. Около 30 тыс. евреев было арестовано и брошено в концентрационные лагеря. 12 ноября 1938 г. на специальном совещании Геринг, Функ, Гейдрих, Геббельс и другие разработали программу устранения евреев из германской экономики, «ариизации» их магазинов и предприятий, конфискации имущества и т. д.

Подводя итоги этой акции, Геринг сообщал имперскому совету обороны, что критическое состояние имперской казны, вызванное перевооружением, было облегчено «благодаря миллиардному штрафу, наложенному на еврейство, и благодаря доходам, полученным Германией в результате ариизации еврейских предприятий»⁶⁹. Как признал Геринг впоследствии на Нюрнбергском процессе, «на этих операциях гаулейтеры и другие деятели фашистской партии нажили миллионные состояния»⁷⁰.

Шахт принял непосредственное участие в этом позорном предприятии, хотя и пытается теперь это отрицать. Он официально выдвинул план получения иностранной валюты в качестве выкупа за еврейское население Германии, предлагал выселить евреев из Германии и созвать для обсуждения этого вопроса международное совещание в Лондоне⁷¹. Бывший германский посол в Италии Гассель в своем дневнике записал 19 декабря 1938 г., что во время завтрака с Шахтом они обменивались мнениями о

⁶⁵ ЦГАОР, д. 46, л. 237, 290; см. также H. Schacht. 76 Jahre..., S. 458.

⁶⁶ «Nazi Conspiracy and Aggression», vol. VII. Washington, 1946, p. 474.

⁶⁷ ЦГАОР, д. 1954, л. 115—116.

⁶⁸ «Reichsgesetzblatt», Т. II, 1938, S. 1579—1582.

⁶⁹ ЦГАОР, д. 1903, л. 35.

⁷⁰ Там же, д. 34, л. 211.

⁷¹ H. Schacht. Abrechnung..., S. 23.

переговорах с Англией относительно вывоза евреев из Германии и о «финансировании этого мероприятия»⁷².

Что действительно вызвало недовольство Шахта, так это заявление министерства финансов о невозможности гарантировать оплату «мефовекселей» и предложение рейхсбанку выдать вместо оплаты долговые обязательства. Шахт заявил, что эта мера была бы «неслыханным» делом. Она «подорвала бы авторитет государства, так как стала бы очевидной его финансовая неплательская способность. Было бы обнаружено, что империя израсходовала свои деньги на другие цели, на вооружение»⁷³.

Шахт признает, что он и директорат рейхсбанка стремились помешать разоблачению политики вооружения и подготовки войны, проводившейся гитлеровцами. 2 января 1939 г. Шахт посетил Гитлера в Оберзальцберге и изложил ему свою точку зрения. 7 января 1939 г. Шахт от имени директората рейхсбанка направил Гитлеру памятную записку о финансовом положении Германии. Апологет Шахта Петерсон пытается изобразить ее документом, характеризующим «оппозиционность» Шахта гитлеровскому режиму, и даже называет ее «ультиматумом» Шахта Гитлеру⁷⁴.

В этой записке Шахт выражал свои опасения в связи с угрозой инфляции: «Мы,— писал Шахт,— стоим перед фактом, что примерно 3 млрд. рейхсмарок таких счетов («мефовекселей».— *В. Ф.*) не могут быть теперь оплачены, хотя эта оплата их должна быть произведена в 1939 г.». «Исключая рейхсбанк,— отмечал Шахт,— имеется примерно 6 млрд. счетов мефо, которые могут быть дисконтированы и которые могут подлежать оплате наличными деньгами в любое время, что представляет постоянную опасность для стабильности курса»⁷⁵.

Для предотвращения надвигавшегося финансового кризиса Шахт предлагал, чтобы государственные учреждения не производили в дальнейшем расходов, не давали гарантий и не брали на себя обязательств, которые не могут быть оплачены за счет налогов или займов, не затрагивая долгосрочных капиталовложений. Для паведения порядка в финансах Шахт рекомендовал установить полный контроль финансовых органов над денежными расходами, зарплатой и ценами, поручив этот контроль рейхсбанку⁷⁶.

9 января 1939 г. Шахт ушел в отставку с поста президента и члена директората рейхсбанка⁷⁷. Апологеты Шахта пытаются теперь изобразить его отставку как проявление «оппозиции» германской финансовой олигархии гитлеровскому режиму, даже как проявление ее стремления предотвратить войну. Однако директор рейхсбанка Эмиль Пуль высказал на Нюрнбергском процессе гораздо более трезвое суждение: «Когда Шахт увидел,— сказал Пуль,— что опасная ситуация, которую он санкционировал, становится все более неразрешимой (надвигалась инфляция.— *В. Ф.*), он все сильнее стремился выпутаться»⁷⁸.

Пресса фашистской Германии в свое время объясняла отставку Шахта необходимостью сосредоточения руководства германской экономикой в одних руках и тем, что Шахт призывался к выполнению новых задач — разработке планов экономической организации «Новой Европы». В то же время в финансовых кругах западных держав отставка Шахта была встречена с беспокойством. Шахт, как мы видели, являлся связующим звеном между правящей кликой фашистской Германии и американско-английскими монополиями, т. е. теми силами международной реакции, которые вскорости фашистскую агрессию и стремились направить ее на восток, против

⁷² «Von Hassel Diaries», p. 24.

⁷³ H. Schacht. Abrechnung..., S. 24.

⁷⁴ E. N. Peterson. Hjalmar Schacht, p. 310.

⁷⁵ ЦГАОР, д. 1954, л. 148.

⁷⁶ Там же, л. 149.

⁷⁷ Официально об отставке Шахта было объявлено 20 января 1939 г.— H. Schacht. 76 Jahre..., S. 459.

⁷⁸ ЦГАОР, д. 1954, л. 150.

СССР. Шахт, так же как и Тиссен⁷⁹, был одним из вдохновителей этой антисоветской политики. Однако обострившиеся империалистические противоречия привели к тому, что гитлеровцы вынуждены были считаться с возможностью войны прежде всего с Англией и Францией. Для выполнения этой задачи Германии нужны были другие лица. Так, английская «Daily Telegraph»⁸⁰ писала, что отставка Шахта, занимавшего ключевые позиции в германской экономике, свидетельствовала об ухудшении экономических и финансовых отношений Германии с западными державами. Так оценивала отставку Шахта и газета «The Financial Times»⁸¹. Орган немецких финансистов еженедельник «Die Bank», характеризующий отношение иностранной прессы к отставке Шахта, отмечал, что в иностранных кругах рассматривают отставку Шахта как свидетельство ухудшения экономического и финансового положения Германии⁸². Наиболее откровенно выразила взгляды международных финансовых кругов польская реакционная газета «АВС». Высказывая сожаление по поводу отставки Шахта, она писала: «Шахт был человеком, умеющим вести дела с международными финансистами. Он был связующим звеном между нацистами и финансово-экономическими сферами. Шахт — это возможность развития связей с западными государствами, располагающими запасами золота». Из этого газета делала выводы, что «удаление Шахта означает сожжение за собой мостов к международному капиталу и продолжение вооружения любой ценой». Но эта политика вооружения, заключала газета, может продолжаться недолго, должна наступить развязка⁸³. Этой развязкой была война. Известно, что в ходе тайных англо-германских переговоров, происходивших летом 1939 г., английские правящие круги намеревались предоставить фашистской Германии крупный заем (100 млн. ф. ст.). Однако эта сделка не состоялась, так как гитлеровцы решили достичь своих империалистических целей силой оружия.

Наряду с другими причинами тяжелое положение германской экономики (внешней торговли, финансов, снабжения сырьем и т. д.), в которое завел ее «финансовый кудесник» Шахт, заставляло гитлеровцев спешить с началом войны. Только посредством захвата и ограбления народов других стран надеялись они поправить свое экономическое положение и избежать катастрофы. Известно, что, планируя нападение на Польшу и дру-

⁷⁹ Несмотря на наличие тесных экономических и политических связей между германскими и англо-американскими монополиями, в 1939 г. они не смогли торговаться. На данном этапе империалистические противоречия (борьба за рынки, источники сырья, колонии, борьба за мировое господство) оказались значительно сильнее, чем цели, объединявшие их. К тому же гитлеровцы не решались в 1939 г. начать войну против СССР без предварительного захвата экономических и людских ресурсов Западной Европы.

Начало войны Германии с Англией и Францией вызвало недовольство многих монополистов, тесно связанных с монополиями западных держав и рассчитывавших на захват территорий на Востоке. Наиболее ясно позицию этих германских монополистов выразил Тиссен, один из крупнейших промышленных магнатов Германии. Он еще с 1923 г. поддерживал фашистскую партию, финансировал ее, одобрял ее планы, восхищался гитлеровской идеей «Drang nach Osten» и способствовал приходу фашистов к власти.

Будучи тесно связан с англо-франко-американскими монополиями, Тиссен был сторонником экспансии Германии в союзе с империалистами Западной Европы, в первую очередь против СССР. В меморандуме, посланном Гитлеру 1 октября 1939 г. из Швейцарии, куда Тиссен уехал, он упрекал Гитлера в отходе от принципов, выраженных в «Майн кампф», и от заявлений, сделанных летом 1939 г., о намерении Германии захватить территорию «до Уральских гор». Тиссен был недоволен и тем, что Гитлер вместо создания единого фронта с западными державами вступил в конфликт с ними, и указывал, что в отрицательном отношении к советско-германскому пакту он не является одиноким, а имеет единомышленников среди промышленников Германии и других стран.— F. Thyssen. I Paid Hitler. New York — Toronto, 1941, p. 46, 56, 72.

⁸⁰ «The Daily Telegraph», 21.I.1939.

⁸¹ «The Financial Times», 21.I.1939.

⁸² «Die Bank», 25.I.1939.

⁸³ «АВС», 27.I.1939.

где страны, правительство фашистской Германии разработало подробные мероприятия по экономическому ограблению народов и полному использованию их экономики для нужд дальнейшего ведения войны. Об этом же сообщали и иностранные дипломаты из Берлина. 6 апреля 1939 г. советник английского посольства в Берлине О. Форбе сообщал в Лондон: «Ни в коем случае нельзя исключать того, что Гитлер прибегнет к войне, чтобы положить конец тому несносному положению, в которое он поставил себя своей экономической политикой»⁸⁴. Посол Великобритании Н. Гендерсон сообщал Галифаксу в письме от 6 мая 1939 г.: «Сможет ли она [т. е. фашистская Германия] пережить еще одну зиму без краха? А если нет, то не предпочтет ли Гитлер войну экономической катастрофе?»⁸⁵.

Страх перед надвигающимся экономическим кризисом, который нельзя было предотвратить даже переводом экономики на военные рельсы, был одной из причин, побудивших Гитлера и стоявших за ним магнатов монополистического капитала спешить с развязыванием мировой войны. «Война,— справедливо отмечает О. Винцер,— вполне отвечала тем целям, которые монополии ставили перед собой, допустив Гитлера к власти в Германии»⁸⁶.

«Расходы на военные и прочие государственные нужды к 1939 г.,— пишет Мюллер-Гиллебранд,— пришли в такое несоответствие с излишками гражданского хозяйства, что военная экономика должна была вестись за счет выпуска новых денег, вследствие чего финансовая, а с ней и экономическая катастрофа становилась совершенно неизбежной. Создалось такое положение, из которого только «прыжок в войну» мог считаться единственным спасением»⁸⁷.

Не может быть сомнений в том, что Шахт сыграл большую роль в перевооружении Германии и в подготовке агрессивной войны. «Заслуги» Шахта весьма ярко охарактеризовал бывший министр финансов фашистской Германии Шверин фон Крозиг, указав, что «во время войны Германия не нуждалась в создании новой организации, так как вся экономическая система, которая была неразрывно связана с финансовой политикой, могла быть оставлена без изменений»⁸⁸.

В заключение следует отметить, что и после своей отставки с поста президента рейхсбанка Шахт оставался (до 1943 г.) министром без портфеля в правительстве Гитлера и продолжал выполнять роль связующего звена между гитлеровцами и западными державами. В марте 1939 г. Шахт выезжал в Швейцарию, где встречался с доверенным лицом английского правительства. Он откровенно говорил ему, что «Гитлер хочет не только Польшу, он хочет также и Украину»⁸⁹.

Заигрывая с западными державами, стремившимися направить германскую агрессию против СССР, Шахт информировал об антисоветских планах Гитлера Монтегю Нормана — доверенное лицо Чемберлена. С той же целью Яльмар Шахт зимой 1939/40 г. настойчиво искал возможности посетить США. Для этого он использовал свои связи с Банком международных расчетов в Цюрихе. Шахт обратился к президенту этого банка, позднее к президенту одного из ведущих банков Нью-Йорка Леону Фрейзеру, находившемуся в близких отношениях с Рузвельтом, с просьбой помочь ему получить официальное приглашение для посещения США⁹⁰.

О том, что американские бизнесмены продолжали рассматривать Шахта как влиятельного представителя германских правящих кругов, свиде-

⁸⁴ «Documents on British Foreign Policy 1919—1939». Third Series, vol. V (1939). London, 1952, Doc. № 51. Append., p. 103.

⁸⁵ Ibid., Doc. № 403, p. 456.

⁸⁶ О. Винцер. 12 лет борьбы против фашизма и войны. М., 1956, стр. 19.

⁸⁷ Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии, стр. 162.

⁸⁸ «Итоги второй мировой войны». М., 1957, стр. 425.

⁸⁹ ЦГАОР, д. 44, л. 131.

⁹⁰ Там же, л. 141. См. также G. Ritter. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 237.

тельствует и тот факт, что в марте 1940 г., во время своего посещения Берлина, заместитель государственного секретаря США, личный эмиссар президента С. Уэллес беседовал не только с Гитлером, Герингом и Риббентропом, но также и с Шахтом⁹¹. Как отмечает в своем дневнике Гассель, Уэллес сказал Шахту, что «США не заинтересованы в разгроме Германии»⁹². Весной 1941 г., как это признает сам Шахт, Гитлер беседовал с ним о возможности его поездки в США. Эта поездка не состоялась по причинам, от Шахта не зависевшим⁹³.

Легенда фальсификаторов истории, к числу которых должен быть отнесен и сам Шахт, о том, будто «Шахт работал над вооружением Германии, не подозревая, что Гитлер использует эту армию для агрессии», находится, как мы старались показать, в вопиющем противоречии с историческими фактами. Эта легенда создана буржуазными пропагандистами для реабилитации германских монополий, сыгравших решающую роль в подготовке второй мировой войны, которые ныне в Западной Германии снова восстановили свою экономическую и политическую мощь и усиленно готовят новую мировую войну. Немалая роль в финансировании программы воссоздания вермахта снова принадлежит военному преступнику банкиру Яльмару Шахту. Как и в годы фашистской диктатуры, он занимает важные позиции в экономической жизни Западной Германии. В 1953 г. Шахт основал в Дюссельдорфе крупный экспортный банк «Шахт и К°». Им разработана «программа четырех пунктов», содержащая рецепты монополистам по преодолению экономического кризиса посредством усиления экспансии западногерманского капитала в слаборазвитые страны и их закабаления. Эта программа в значительной степени скопирована с его известного «нового плана»⁹⁴. Снова военный преступник Яльмар Шахт, вместе с другими милитаристами Западной Германии, вынашивает кровавые планы установления над миром гегемонии германского империализма, на этот раз в союзе со своими партнерами по Североатлантическому военному блоку.

⁹¹ H. Schacht. 76 Jahre..., S. 516.

⁹² «Von Hassel Diaries», p. 117; см. также C. Hull. The Memoirs, vol. I. New York, 1948, p. 844—845.

⁹³ H. Schacht. 76 Jahre..., S. 521.

⁹⁴ H. Schacht. Kapitalmarktpolitik. Hamburg, 1957; «Volkswirtschaft», № 38, 21.IX.1957, S. 2099.

